

П. Н. Хмылев²

АЛЬФРЕД ХЕЙЗ И ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

В наше время особую актуальность приобретает изучение всемирной истории. Глобализация умножает мировые явления и процессы, без изучения которых трудно понять настоящее, корнями восходящее к прошлому. Исторический процесс столь сложен и многообразен, что без четкого определения того, что такое всемирная история как теоретическое понятие, трудно разобраться в бесчисленных фактах и произвести из них выборку, необходимую для построения всемирной исторической картины.

С целью выяснения содержания понятия «всемирно-историческое» обратимся к работе немецкого историка Альфреда Хейза «К теории всемирной истории»³, которая поможет понять существующие проблемы и пути их решения. Этот автор с самого начала четко ставит проблему понимания всемирной истории. По его словам, в древние времена человеческий род обладал гомогенностью в масштабе всей планеты, и всеобщность его лежала открыто, что создавало определенную «всемирность» и возможность целостной трактовки истории. Однако в дальнейшем человечество многократно расщепилось, отдельные его части индивидуализировались, и прежняя «всемирность» утратила свой вес. Она потеряла свое конкретное содержание, поскольку начался процесс дифференциации и индивидуализации людей. Вместо прежнего единства появились отдельные народы, индивидуальные исторические явления и образования, и история прочно была связана с признанием индивидуального. В этой новой ситуации «на

горизонте частичного, — считает Хейз, — дело никогда не может идти о целостной, но только об относительной всемирности»⁴. Отсюда следует вывод: «Что, пожалуй, остается себе представить — это огромную сумму многих отдельных историй, не служащую в дальнейшем имени всемирной истории, поскольку с одной стороны предполагается “единство” субъекта, но с другой — это-то как раз и не может быть достигнуто в простом сложении»⁵.

Хейз напрасно полностью отрицает «суммирование отдельных историй» в качестве одного из значений всемирно-исторического. При всем разнообразии порядков люди остаются людьми, поскольку, как отметил еще Августин, Бог сотворил их по своему образу и подобию. Суммирование широко используется в новостных обзорах СМИ, а в 1930-е годы была издана книга «День мира» (под редакцией А. М. Горького), заполненная суммой исторических явлений.

Однако Хейз прав в том, что касается исторической науки, изучающей всемирную историю на более глубокой основе. Для историка главная проблема создания всемирной истории — это большое разнообразие исторического материала. Как предлагает выходить из этой трудной ситуации Хейз? Он предлагает три возможных варианта построения всемирной истории и соответственно три значения понятия «всемирность». Во-первых, он считает, «что с XIX столетия существует мировая политика в строгом смысле слова и что с этих пор политически происходящее на глобусе срастается в один действующий комплекс. Другими словами, с некоторых поколений в плюралистическую историю мира проникает глобальная история в том смысле, что определенные ситуации и события удастся понять только во взаимосвязи, которая касается всей Земли, известных значимых повсюду норм»⁶. Подобные идеи, высказанные в 1960-е годы, способствовали

¹ 9 мая 1950 года французский министр иностранных дел Роберт Шуман предложил объединить две базовые отрасли военной промышленности (угольную и сталелитейную) и доверить управление ими общеевропейской организации для предотвращения возможности разжигания новой войны в Европе. Так, 27 мая 1952 года было подписано соглашение о создании Европейского объединения угля и стали, положившего начало ЕЭС.

² Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии.

³ Heuß A. Theorie der Weltgeschichte. Berlin, 1968.

⁴ Heuß A. Op. cit. S. 1, 16.

⁵ Ibid. S. 2.

⁶ Ibid. S. 22.

формированию понятия «глобализация», а как методологический подход ориентировали на изучение того, как формировались реальные связи между странами и народами. Этот методологический подход сегодня является основным в исследовании всемирной истории, призванным осветить родословную глобального мира.

Во-вторых, «всемирная история, — пишет Хейз, — поскольку она существует, может быть историей только в одном известном аспекте...»¹ Иными словами, она возможна как выделенный аспект из целостных конкретных индивидуальных историй, например истории нравов, медицины, техники, колониальных завоеваний и т. п. Такое значение понятия «всемирность» вполне правомерно и давно используется в литературе. Однако Хейз противопоставляет это значение другому — общей целостной всемирной истории. «Нет “истории всего”, всеохватывающей, и ее не может быть, — утверждает Хейз, — потому что принцип повсеместности, в соответствии с которым она получила бы свой порядок, немислим. Интегрирующая история, в которой все находилось бы в объединении и сцеплении, что дают современные “специальные истории”, есть логическая невозможность и потому практически непредставима»². Единство исторического развития, как видим, понимается весьма ограниченно, оно признается только в отдельных аспектах. И странно было бы его отрицать при признании мировой политики и растущих взаимовлияниях стран. Внутреннее же единство и поступательность исторического развития отрицаются.

На базе этой идеи Хейз дает третье значение понятия всемирной истории. Он делает это, обращаясь к учению М. Вебера об идеальных типах. Именно идеальные типы, являющиеся мыслительными конструкциями, «могут претендовать на повсеместность во времени и пространстве»³ и позволяют достичь того, «что многие отдельные феномены в своей структуре не столь изолированы, что они не могут быть взяты вместе и выявить конвергенцию между теми и этими»⁴.

Далее дается развернутая формулировка того, что следует понимать в этом смысле под всемирной историей. Хейз пишет: «Многие явления позволяют

себя очень эластично центрировать вокруг определенных идеальных типов. Известные образования и устройства, очевидно, повторяются все снова в специальных формах, хотя никогда так, чтобы получились совершенно тождественные феномены, но все же всегда указывая на то, что всемирный репертуар исторического человечества всегда обозрим в основных формах политико-социальной организации и ограничен, а навязанная ему множественность исторического мира явлений опирается в первую очередь на бесконечную вариабельность его основных элементов. Мы должны иметь дело с одним известным постоянством мира в первичных исторических возможностях форм на глобусе, и это мировое постоянство постижимо в его больших единствах»⁵.

Здесь делается дальнейший шаг в признании единства исторического мира, говорится об «основных формах политико-социальной организации», «основных элементах» и «известном постоянстве мира в первичных исторических формах». Иными словами, признается наличие внутренних единых общих свойств исторического мира. Однако эти свойства не образуют единого поступательного исторического процесса. Выявляющий их «идеальный тип не дает предмет всемирной истории, но дает относительный пункт для него. Он берет историю мира не как материальный объект, но позволяет понять ее в модальностях»⁶. Исторические явления и образования мирового уровня остаются индивидуальными.

Что же мешает Хейзу признать внутреннее единство и прогрессивную направленность мирового исторического процесса? Видимо, он не может преодолеть неокантианскую идею индивидуальности исторических явлений. У него есть лишь намеки, но нет четкой постановки вопроса о субъекте мировой истории, которым является социальное устройство государства, социально-исторический организм, базирующийся на технико-экономической основе. Сравнение существенных свойств социально-исторических организмов позволяет увидеть их общие черты, включающие специальность. Это дает надежную основу для упорядочения множественности исторических явлений в концепции всемирной истории и ее эпох.

¹ Heuß A. Op. cit. S. 16.

² Ibid. S. 30.

³ Ibid. S. 73.

⁴ Ibid. S. 73–74.

⁵ Heuß A. Op. cit. S. 73–74.

⁶ Ibid. S. 79.